

Наталья Майорова

В моём Мире
снова Солнце!

18+

Наталья Майорова
В моём Мире снова Солнце!

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Майорова Н. Н.

В моём Мире снова Солнце! / Н. Н. Майорова — «ЛитРес:
Самиздат», 2020

Статьи здесь и рассказы есть, всё легкомысленного слога. Тяжеловесных тоже здесь для равновесия, немного. Их с аппетитом можно съесть, когда осядет пена, взвесь... И мыслей, в рифму заплетённых, решила я сюда добавить из слов пленённых, угнетённых. И с соблюдением всех пропорций. Смогла, как специей, приправить, и сыпануть во все из порций.

Содержание

Посвящение	5
Предисловие к книге	6
В моём Мире снова Солнце!	7
Родом из детства	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Посвящение

Эту книгу я посвящаю своему дорогому Учителю, удивительному и замечательному Человеку, журналисту, психологу и педагогу, Владимиру Владимировичу Шахиджаняну.

Владимир Владимирович не только научил меня бегло печатать. Бегло печатать, не глядя на клавиатуру. Владимир Владимирович помог раскрыться моему творческому потенциалу. И я, до встречи с ним никогда не писавшая текстов, за исключением разве что школьных сочинений и писем, причём и те, и другие я никогда не любила писать и это всегда было для меня моральной пыткой и мукой; после встречи с моим Учителем, я вдруг полюбила этот процесс. Мне понравилось открывать свои мысли. Мне понравилось обнажать свои чувства. И это доставляет мне ни с чем ни сравнимую радость. И этот процесс, творческий процесс, доставляет мне ни с чем ни сравнимое наслаждение.

После встречи с Владимиром Владимировичем я нашла своё призвание. Я поняла, наконец, чем я бы хотела заниматься в жизни. После встречи с Учителем жизнь ко мне повернулась новой гранью. И заиграла яркими красками.

Я бесконечно благодарна Судьбе за то, что она позволила мне повстречать в своей жизни этого интересного и уникального Человека!

Предисловие к книге

Когда я смотрю на плоды трудов своих, интеллектуальных трудов, мне на ум приходит фраза: «Длинно, скучно, ни о чём...». Пожалуй, эту фразу можно взять эпиграфом к моей книге. Эта фраза проходит красной нитью через всё моё творчество. Настолько она коротко и ёмко описывает всё то, что я тут понаписала!

В своё оправдание могу сказать, что в эту книгу я поместила не самые свои длинные и не самые свои скучные вещи. У меня есть много вещей намного длиннее и намного скучнее. И тоже ни о чём.

Когда я оглядываюсь назад и ужасаюсь количеству написанного, мне вспоминается фраза из одного известного замечательного фильма: «Я ещё не Волшебник, я только учусь!». Вот и я повторяю вслед за юным пажем: «Я ещё не писатель, я только учусь!»

Это всего лишь моя первая книга. До неё я ничего не писала. Если не считать нескольких стихотворений, написанных мною на заре моей жизни.

Да-да, я только учусь. И, возможно, когда-нибудь, в далёком-далёком будущем, я научусь писать ни о чём коротко, ярко, увлекательно и захватывающе!

В моём Мире снова Солнце!

Предисловие

Предлагаю на суд читателя мою первую повесть.

В этом произведении рассказывается о маленькой девочке. И в этом произведении есть всё.

*****

Да, в нём есть всё, но в дозах небольших. И юмор есть, и лирики немного, немного взрослых фраз, и грусть от сожалений... Есть даже описание природы.

*****

Есть много мыслей бюрократа. В канцеляритах мыслит он.

*****

Что чувствует ребёнок, попавший в совершенно... чужой и непонятный, большой серьёзный мир? На время оказавшись с пугающим тем миром лицом к лицу без мамы совсем-совсем один?

И в повести я этой всё показать пыталась, тот мир, что незнаком был, тот взрослый серый мир. Тот мир из глаз ребёнка я рисовать старалась. И даже не ребёнка. Скорее, двух людей. Один из них ребёнок, из прошлого пришедший. Другой же, он вернулся из тех грядущих дней. Ведь в жизни эти двое всегда шагают вместе. И сцеплены их руки. И шаг сверяют свой.

Мне удалось слегка лишь чуть приоткрыть ту Дверцу, что к нам ведёт и душу пред всеми открывает.. И показать событий обычных череду, что Зеркало нам наше прилежно отражает.

*****

Рисуя словами мысли, а фразами чувства, я пыталась наклониться. Наклониться к тому ребёнку и посмотреть ему в глаза. Эта книга – взгляд снизу из широко распахнутых детских глаз. Взгляд снизу на мир высоких людей.

*****

Но за ребёнка взрослый говорил. Он говорил так, как умел. Бюрократическим скрепляя языком. И путано, и длинно, сухо слишком.

*****

В этой повести я пыталась услышать маленькие мысли маленького человека. И пройти по его следам. Я писала о том, как нелегко быть ребёнком. Как нелегко, когда ты один маленький, а вокруг тебя все большие. Не знаю, удалось ли мне раскрыть это в полной мере?

*****

Сознательно я слово «Мир», когда брала его в ладони, и перекачивать пыталась, рассматривая изумлённо, как только можно рассмотреть, свой Мир, из прошлого пришедший... сознательно я это слово с большой писала только буквы.

И это же брала я слово, когда им мир обозначала, тот Странный мир – мир, что ложится и вдоль границ, и убегает так быстро вдаль, чтоб затеряться... и это же брала я слово и с буквы маленькой строчила.

*****

Думаю, понятно, почему я так поступала. Для многих из нас, а не только для детей, свой собственный внутренний Мир только так всегда и пишется. Исключительно с большой буквы. А всё, что находится вне его границ и за его пределами, для многих из нас так и остаётся навсегда тайной за семью печатями. Не все из нас обладают таким особым удивительным зрением... И как бы мне хотелось им обладать!

Писала я для взрослой аудитории.

Глава первая

Городской оазис

Помню, как-то утром пришли мы с мамой в наш родной детский сад. Прийти-то мы пришли, но сдать меня туда в тот раз не получилось. Не принимал садик детей. В то утро наш обычно весёлый шумный и гостеприимный детский сад был тёмным, хмурым и неприветливым.

К такому мы с мамой не были готовы. А потому были немного растеряны. Люди всегда теряются, когда нарушаются их планы. Люди теряются, когда нарушается привычный ход событий. Они выглядят потерянными, когда выпадают из привычного ритма жизни.

Мы повернулись к садику спиной и пошли. Я много раз об этом мечтала! И мне сейчас полагалось радоваться. Но у меня почему-то это не очень получалось. Нет, радость, конечно, была. Была, не скрою. Но была она совсем маленькая. И не очень радостная... Потому что не была чистой. А была со всякими примесями. К ней примешивались самые разные безрадостные чувства.

Я видела мамину озабоченность. А ребёнок не может радоваться, если взрослому не весело.

А ещё, дети ведь любят привычный распорядок. И когда что-то идёт не так, детей это тоже выбивает из колеи. А не только взрослых.

И потом, садик всегда по утрам принимал меня натошак. И теперь мой желудок был не согласен. Не согласен с тем, что мы всё дальше и дальше удалялись от того места, где его каждое утро ждала тарелка с чем-нибудь горячим. И поэтому он протестовал и бунтовал. И требовал соблюдения своих законных прав.

Есть такая хорошая поговорка: «Стерпится, слюбится!» И я уже столько раз убеждалась в её правоте! Так вот и здесь. Эта поговорка была прямо про меня и про садик. Мы с ним пусть и не полюбили, но давно уже притерпелись друг к другу. Притерпелись и привыкли. Притерпелись настолько, что иногда даже скучали. Скучали, если не виделись.

И потом мои подружки... «Где они сейчас?», – думала я.

В общем, мамина озабоченность передалась и мне. И вот мы с мамой шли вместе по улице, одинаково озабоченные и одинаково не знающие что делать.

– Возьму-ка я тебя с собой на работу! – сказала мне мама.

– А что я там буду делать? – спросила я.

– Меня подождёшь. Я отпрошусь у начальника. А потом отвезу тебя к бабушке.

Я обрадовалась.

– И ты со мной останешься у бабушки?

– Нет, – сказала мама. – Я вернусь на работу.

Моя радость сразу поутихла. Но не полностью. Потому что я теряла маму, но приобретала бабушку.

На ходу мама строгим тоном провела со мной инструктаж. Вводный инструктаж. На предмет, что можно, а что нельзя делать на работе.

Мама сказала, что на работе будет много незнакомых мне взрослых людей. Но не все они будут незнакомые. Некоторых я узнаю. Тех, с кем мы вместе ездили на базу отдыха летом. Но с ними нельзя будет разговаривать. И, вообще, на работе нельзя будет ни к кому приставать. Ни с разговорами, ни с расспросами. На работе надо будет вести себя тихо. Неслышно. И незаметно. И не мешать взрослым людям работать.

Я была ребёнком стеснительным. Стеснительным и серьёзным. Меня и так пугала мамина работа. Без всякого инструктажа. Но после того, как я его прослушала, мамина работа стала пугать меня ещё больше.

Мы с мамой приближались к величественному и красивому белому зданию. Это сейчас оно какое-то серое. Серое, унылое и неказистое. А в воспоминаниях моего детства оно было огромным. Огромным и белоснежным, утопающим в зелени. В яркой и сочной зелени юной листвы. Это сейчас этот дом также, как и все остальные вокруг, покрылся пыльным налётом. Тем самым налётом, которым покрывается всё без исключения. И этот налёт не всегда украшает то, на чём оседает. Этот налёт – седой налёт времени...

Тогда мама работала в научно-исследовательском институте. И называлось то здание как-то загадочно. Загадочно и красиво. УралНИТИ. Я и не догадывалась, что это название что-то означает. Что это аббревиатура. Мне это название казалось вполне самостоятельным. Было в нём что-то непонятное. Непонятное, а оттого и красивое. Во всяком случае, мне это название казалось прекрасным. И таким же чистым и звучным, как само здание.

Мама у меня была молодая и красивая. И её коллеги были такие же. Весёлые, молодые и красивые. И здание тоже. Оно тоже казалось мне таким же, как мама. И таким же, как её коллеги.

Да оно такое и было. Гармония и стройность, строгость и благородство архитектурных линий. Высокое крыльцо со ступеньками.

Этот институт не был похож ни на одно здание, которые мне доводилось видеть тогда. Перед ним была небольшая, обрамлённая деревьями площадь, из центра которой пронзал стрелой небо символический памятник. Памятник окружала ухоженная клумба. Ухоженной была не только она. Ухоженной и красивой была и вся территория вокруг.

Перед зданием была очень большая зелёная зона. И четыре ряда деревьев. Один ряд примыкал к самому зданию. И в этом ряду были не только привычные нашему глазу городские деревья. Там были и стройные красавицы ели с голубовато-серебристым отливом. К ним примыкал кустарник, стоя у них на страже и заботливо укрывая их ноги. Ели были только в первом ряду. В ряду приближённых. Второй ряд деревьев был по другую сторону дороги. А третий и четвёртый ряды были ещё дальше и росли по бокам пешеходной дорожки, образуя все вместе тенистую задумчивую и очень уютную аллею. Деревья росли, сплетаясь вверх своими большими и пышными кронами. Но не смотря на богатые одеяния, тень они давали лёгкую и светлую. Дышалось там очень легко, свободно и приятно. Летом те деревья притеняли путников от изнуряющих лучей, даря им свежий комфорт и живительную прохладу. В ветвях звенела, переливаясь весёлыми негромкими трелями, птичья разноголосица.

И не смотря на то, что совсем рядом проходили трамвайные пути и гудела автомобилями дорога, это был кусочек отдыха, это был небольшой островок живой природы. Той самой природы, которая всегда с таким большим трудом отвоевывает себе кусочки пространства у каменных джунглей. И чувствует себя при этом гостьей. Непрошеной гостьей, которую милостиво пускают на порог.

Люди не задерживались на этом острове. Это была проходная зона. Но минуя этот городской оазис, можно было пусть немного, но отдохнуть и расслабиться, и хоть чуть-чуть, хоть самую малость, хоть по капельке, но восстановить свои силы; те силы, которые всегда отнимает промышленный город у своих таких занятых, таких озабоченных и таких вечно спешащих жителей.

Глава вторая

Самый страшный мужчина

Мы с мамой поднялись на крыльцо и вошли внутрь. Внутри было темно. Я спросила у мамы: почему ничего не видно? И она ответила, что после яркого солнца всегда так происходит. После яркого света глаза у всех поначалу плохо видят в помещении. Потому что в помещении темнее, чем на улице. Нужно просто немного подождать, и как только наши глаза привыкнут к приглушённому свету, они опять станут хорошо нам всё показывать. Как всегда, мама оказалась права. Спустя некоторое время темнота перед глазами рассеялась и я увидела перед собой мужчину. Мужчину с добрым и улыбочивым лицом. И он спросил меня голосом Волка из "Красной Шапочки":

– И куда же это идут такие маленькие девочки?

И сразу стало понятно, что мужчина этот был хороший. И сразу стало понятно, что мужчина этот был добрый. Поэтому я его совсем не испугалась.

– Я с мамой! – сказала я важно.

– А, ну раз с мамой, тогда конечно. Тогда проходите, – сказал он нам.

Маме он просто улыбнулся. Её он хорошо знал.

И мы пошли дальше.

Я спросила у мамы, а кто это? И она ответила, что это вахтёр. Тогда я спросила у мамы, а почему он там сидит? И мама сказала, что этот человек не просто сидит у входа, а он занят важным делом. Он одних людей пропускает на работу, а других нет. И я спросила – а кого он не пропускает? И мама ответила, что этот вахтёр пропускает только тех, кто идёт заниматься серьёзным делом. А лентяев и лодырей он не пропускает. И тогда я поняла, что мы с мамой шли заниматься самым настоящим, самым серьёзным делом!

И вот, наконец, мы вошли в большую комнату. Мама поздоровалась со всеми. И я. И я тоже. Я тоже поздоровалась. Но меня почему-то никто не услышал.

В комнате были одни взрослые. И их было много. Все они были мне незнакомы. Даже наши с мамой знакомые теперь были совсем незнакомые. Те взрослые, которых я видела сейчас, были совсем не похожи на тех взрослых, с кем мы вместе так весело проводили время на базе отдыха.

Все взрослые смотрели на меня. Мою маму они уже хорошо знали. А меня нет. И я им больше нравилась, чем мама. И чем больше они на меня смотрели, тем больше я пряталась за маму.

Я была стеснительным ребёнком. И не любила находиться в центре внимания. А потому сейчас жалела, что мама так и не купила мне плащ-невидимку. Мама мне как-то рассказывала, что есть такой плащ. Его одеваешь и никто тебя не видит. Но сколько я не просила маму мне его купить, она почему-то никак мне его не покупала.

Послышались радостные возгласы:

– Надежда привела помощницу!

– Ну вот, теперь дела пойдут на лад. К нам пришёл самый главный работник!

Я не понимала взрослых шуток. И испугалась.

Я подумала, что мне придётся что-то делать на работе. Что-то такое, чего я не умею. И самое ужасное было в том, что я-то знала, что не умею, а остальные, похоже, нет. Остальные, похоже, даже не догадывались об этом. Остальные об этом даже не подозревали. И все надеялись на меня. А ведь это очень страшно, когда на тебя надеются, а ты можешь всех подвести.

Одни взрослые были серьёзные, другие улыбались. Хоть все они и смотрели на меня с доброжелательным интересом, мне всё равно было страшно. Страшно, когда в чьём-то мире только ты один маленький, а остальные вокруг тебя все большие. И этот большой мир такой

непонятный! Все люди в нём занимаются непонятными делами. И говорят на непонятном языке. И всё-всё здесь непонятно. И от этого становится ещё страшнее. Я прижалась к маме.

Взрослых было так много, что они меня пугали. Они все были страшные. А один мужчина был самый страшный. Наверное, он не любил детей. Он не улыбался. Он сердито молчал. А потом начал ругать тех, кто шутил и смеялся. Он ругался. А все его слушались. Он ругался. И все его боялись. И я поняла, что в этой комнате он самый главный. И я поняла, что в этой комнате он самый страшный. В этой комнате он один не любил детей.

Я слышала, что есть взрослые, которые не любят детей. Слышала, но никогда таких ещё не встречала. И сейчас я поняла, что этот самый страшный мужчина такой же, как те очень страшные мужчины из самых страшных сказок. Из тех сказок, которые иногда мне на ночь читала мама.

Этот мужчина смотрел на меня и мне было страшно.

В комнате стало тихо. Улыбки сошли со взрослых лиц. Все сразу стали серьёзные. Все сразу занялись взрослыми делами.

Глава третья

О пользе чтения детских сказок

Мама подвела меня к столу. И сказала: «Вот это мой стол!» И, усадив меня на стул, стоящий возле него, произнесла: «А вот это мой стул!» И пояснила, что эти вышеозначенные предметы производственного инвентаря принадлежали ей, а значит, и я могла любезно ими воспользоваться. То есть они мне были предоставлены мамой как бы во временное пользование.

Разумеется, я не знала тогда всех этих умных слов, и мама, конечно же, говорила со мной другим языком, но нельзя забывать, что эти рассказы пишет всё-таки взрослый человек. И этот взрослый человек уже не может мыслить без этих умных слов. Этот взрослый человек давно уже забыл, как мыслит четырёхлетний ребёнок. А если бы даже и вспомнил свои мысли из прошлого и записал бы их, то другим взрослым попросту стало бы неинтересно читать этот рассказ.

Но я отвлеклась.

Итак, в моём распоряжении оказались стол и стул. А это было уже немало.

Мама продолжила развивать свою мысль дальше. Она мне разъяснила, что все остальные предметы мебели в данной комнате ей не принадлежали. А это значит, что никаких прав ни она, ни я, на них не имели. Эта была чужая собственность. И их владельцам очень бы не понравилось, если бы я начала околачиваться рядом. Или, не дай бог, решила бы всеми этими чужими материальными благами, чужими объектами социалистической собственности воспользоваться. Это было бы незаконно. И повлекло бы за собой нежелательные последствия. Ибо посягательство на предметы социалистической собственности карается законом.

Я была ребёнком понятливым. И попыталась схватить тетрадь, лежащую на мамином столе. Раз уж она была мне предоставлена во временное пользование.

Ловким выверенным движением мама вернула свою тетрадь обратно. И убрала подальше. Подальше с моих глаз. И пояснила, что хоть стол временно и был дан в моё полное и безоговорочное распоряжение, но всё же, всё, что на нём находилось, было исключительно предметами личного маминого пользования. И любое на них посягательство могло караться если уж не законом, то мамой лично уж точно.

Я была ребёнком сообразительным. А потому всё поняла.

Тем более, я знала Сказку «Три медведя» и слишком хорошо помнила, к каким ужасным последствиям привело сидение за чужим столом на чужом стуле и незаконное использование предметов чужой собственности.

Я была ребёнком с развитым воображением. И сразу же очень ярко и образно представила себе, каким страшным и громким голосом, голосом Михайло Потаповича, заревел бы

самый страшный мужчина в этой комнате: «Кто сидел на моём стуле? Кто сидел за моим столом? Кто брал мою ручку? И исчеркал ею всю мою тетрадь?». И мне стало страшно. Заранее страшно. Это и стало великолепным сдерживающим фактором и одновременно надёжной гарантией от любых неправомерных действий и от любых посягательств на чужую собственность с моей стороны.

Мама положила передо мной листок и ручку и сказала, что этой ручкой на этом листочке я могу рисовать. Рисовать всё, что мне вздумается.

Я схватила ручку, чтобы успокоиться, но мама мягко взяла её у меня из рук, положила на стол и продолжила. Продолжила меня запугивать.

Она показала мне на дальнюю дверь, которая вела куда-то из этой комнаты и сказала мне ни в коем случае к ней не подходить. И ни в коем случае её не открывать. А если я это сделаю, случится самое страшное. Ужасное и непоправимое.

Она показала мне на дальние шкафы. И сказала мне ни в коем случае к ним не подходить. И ни в коем случае их не открывать. А если я это сделаю, случится тоже самое страшное. И тоже ужасное и непоправимое.

Я согласно кивнула и даже и спрашивать, что же такое случится, не стала. Ведь мне не так давно читали Сказку о Синей Бороде и я слишком хорошо теперь знала, что некоторые двери лучше не открывать, а в некоторые шкафы лучше не заглядывать.

Мама окинула взглядом свой стол, словно прощаясь с ним навсегда, ещё раз строго посмотрела на меня, сказала: «Я сейчас!» и вышла. Вышла из комнаты.

Глава четвёртая

Мама потерялась...

Мама вышла за дверь.

А я осталась одна. Одна в чужом мире. И без мамы.

Уходя, она сказала: «Я сейчас!». Но проходили томительные минуты ожидания, а мамы всё не было... Мне казалось, что «сейчас» – это быстро. Но «сейчас» оказалось слишком долгим...

Я с тоской смотрела на дверь. Но никто не приходил. Никто не приходил за мной.

Я была ребёнком усидчивым. Но только тогда, когда можно было бегать. А когда прыгать стало нельзя, вся моя усидчивость сразу куда-то исчезла.

Легко быть усидчивым, когда можно бегать. А когда прыгать и шуметь нельзя, усидчивым быть очень сложно.

Я вздохнула. Взяла ручку. И нарисовала принцессу.

Я не владела средствами художественного выражения. И та кособокая принцесса, которую я нарисовала, не могла в полной мере отразить всю безнадёжность моего положения, всю безысходную глубину моего отчаяния, всю беспросветную тоску и смятение, охватившие меня.

Я чувствовала себя потерянной. И одинокой.

Я была одна. Совсем одна... Одна в чужом мире.

Этот чужой мир не был предназначен для детей. Этот серый мир был непонятным и пугающим.

И даже принцесса не могла скрасить моего одиночества. Ей тоже, как и мне, было грустно. Ей тоже, как и мне, было страшно. И для неё тоже этот мир был чужим. Её тоже пугал этот мир. Этот мир был неподходящим для принцесс. Он был неподходящим для принцесс и детей. Слишком он был серьёзный. Слишком он был взрослый.

Я смотрела на принцессу и мечтала, чтобы поскорее вернулась мама.

Мы с мамой всегда были как Солнце и Планета. И если для мамы Солнцем была я, то для меня Солнцем была мама.

Там мы с ней и вращались друг вокруг друга. Я была смыслом маминой жизни. А мама была центром моего Мира и Светом, согревающим и освещающим всё вокруг и дарующим жизнь. Мама была центром притяжения моей Вселенной.

И наше взаимное с мамой притяжение было намного сильнее, чем полагалось по всем законам, чем полагалось по всем законам физики, чем полагалось по всем человеческим законам.

И если мама исчезала из моего поля зрения, если мама исчезала за горизонтом, в моём Мире наступало солнечное затмение. В моём Мире сразу же делалось темно, холодно и неуютно. В моём Мире сразу же делалось страшно.

С высоты своего взрослого опыта скажу, что опасно столь сильно вовлекать и затягивать ребёнка в свою орбиту. Опасно так сильно привязывать ребёнка к себе. Это мешает ребёнку развиваться. Это мешает ему познавать мир. Это делает его более уязвимым и беззащитным перед внешним миром. Это делает уязвимым и беззащитным и сам внутренний Мир. Мудрое воспитание и заключается в том, чтобы ребёнку было комфортно на разных орбитах. А не только в материнской. Воспитывая, необходимо сделать так, чтобы ребёнок почаще мог заглядывать за границы своего Мира и иногда выходить за пределы своей Вселенной.

Мы с принцессой задумчиво смотрели друг на друга. А мамы всё не было.

Я и раньше на время оставалась без мамы.

Но все те места, где я раньше оставалась без неё, были оборудованы для детей. Они были яркими, красочными и разноцветными. Там можно было бегать. Шуметь. Играть. Собирать башни из кубиков. Или делать дома из конструктора. Лепить из пластилина. Или из глины. Там были цветные карандаши и краски. Там были мелки и скакалки. Там были любимые книги. И пусть я не умела читать, но ведь можно было рассматривать в книгах чудесные цветные картинки. В тех местах, в которых я оставалась без мамы, были куклы, мячики и машинки. В тех местах были другие дети. Или родные стены. И если мама исчезала за горизонтом, со мной рядом обязательно был кто-нибудь из близких. Или хорошо знакомый взрослый.

И если мне приходилось ждать маму, я ждала её в своём привычном мире, занимаясь своими привычными делами и не выпадая из своего привычного ритма жизни.

Иногда мне приходилось ждать кого-нибудь и в чужом мире. Но там всегда рядом со мной была мама. А рядом с мамой и минуты ожидания текли по-другому.

А в тот день, про который я веду свой рассказ, ждать было очень тяжело... Это был мой первый опыт. Я впервые ждала маму в чужом непривычном мне месте.

До этого дня все ждали только меня. Я была копуша. И все давно уже к этому привыкли. И мама, и бабушка, и воспитательница в детском садике – все взрослые, окружающие меня, были терпеливые. И всегда безропотно, покорно и молчаливо ждали меня. Ждали, пока я поем. Ждали, пока я оденусь. Ждали, пока застегну свои пуговицы, пока завяжу свои шнурки. Они ждали и никто меня никогда не подгонял. И ходила я тоже медленно. Медленно и неспешно. По сравнению со взрослыми. Но мама, идя со мной, всегда замедляла свой шаг. И идти с ней было приятно. Приятно, комфортно и легко.

Все всегда ждали меня. А теперь я ждала. Ждала свою маму. И это было непросто...

Один раз я уже пережила опыт расставания с мамой. Опыт расставания с мамой в чужом незнакомом мне мире. Но этих переживаний я не запомнила. Потому что была тогда слишком мала. Те душевные раны давно затянулись. А о том случае рассказала мне мама.

Тот опыт был слишком страшным для меня. Это был мой первый день в ясельной группе детского сада. Мне тогда был один год и пять месяцев. Мама принесла меня в ясли с утра. В первый раз. Принесла и сразу же ушла. А меня оставила там. Оставила до вечера. Когда она уходила, я не плакала. Потому что засмотрелась на красивые игрушки. А когда оглянулась... мамы рядом уже не было.

Я её звала, а она мне не отвечала. Я кричала: «Мама!»... а в ответ была тишина... Я звала и звала маму, задыхаясь от плача. Но мама на мой зов так и не пришла. В этот день рухнул мой Мир. Я была тогда слишком мала, чтобы понять, что мама меня не бросила. Я была слишком мала и не понимала, что мама за мной обязательно придёт. В тот день я потеряла маму. В тот день я потеряла её навсегда. Я целый день плакала, задыхаясь от слёз. Я целый день отчаянно звала её. А в ответ была тишина. Я была одна. Совсем одна. Среди незнакомых людей. Я звала и звала маму. А мама всё не приходила и не приходила...

Я была одна. Совсем одна. В чужом незнакомом мне мире. И я плакала и звала маму, стоя на руинах собственного рухнувшего Мира и едва уцелев под его обломками...

Я плакала, как плачет детёныш, потерявший свою мать. Я плакала, как плачет детёныш, оставшийся сиротой...

Я оглянулась на дверь. Мамы всё ещё не было.

В отличие от того ребёнка, я знала, что мама не бросила меня. В отличие от мамы того ребёнка, моя мама вышла ненадолго. В отличие от того ребёнка, я знала, что мама вернётся ко мне.

Я посмотрела на дверь. Мамы всё ещё не было.

И я снова и снова ждала свою маму...

Глава пятая

Кому плачут дети?

Позволю себе небольшое отступление. Хочу немного поговорить о детском плаче.

Как известно, дети плачут не просто так. Они стараются плакать кому-то.

Читала как-то в рубрике «Говорят дети»:

Плачет маленькая девочка. К ней подходит папа и спрашивает, почему она плачет? А дочка ему отвечает:

– Уйди! Я маме плачу!

Ещё слышала от своей знакомой такую историю:

Жили они с сыном вместе с её родителями. И её сын учился тогда ещё в первом классе. Вышел как-то папа той знакомой покурить на лестничную площадку. И вот, когда перекур у него уже подошёл к концу и он собрался возвращаться в свою квартиру, глянул он мельком в окно. В окно, которое есть во всех подъездах между этажами. А из того окна, надо сказать, хорошо просматривался весь двор. И напоследок, перед тем, как покинуть свой пост, папа той знакомой и окинул взглядом двор, на предмет, не идёт ли его внук из школы? Время-то было уже на подходе. И вот видит тот мужчина, что так и есть. Его внук в тот момент как раз резво так и вприпрыжку, весело бежал домой. И лицо ребёнка сияло счастьем и радостью, освещая всё вокруг. От входной двери подъезда до входной двери квартиры совсем небольшое расстояние. Они жили на первом этаже. И дедушка поспешил домой, чтобы успеть встретить внука. Прошло, наверное, не больше двух минут с того момента, как дедушка увидел своего внука через окно, до того момента, как он услышал звонок в дверь.

Он поспешил открыть дверь и каково же было его удивление, когда на пороге их квартиры вместо весёлого мальчишки перед ним стояло совершенно несчастное зарёванное существо, которое непрерывно всхлипывая и размазывая слёзы по щекам, что-то бессвязно бормотало... Дедушка этого мальчика не верил своим глазам! На его зов о помощи прибежала бабушка. Дедушка с бабушкой переполошились. И очень испугались. Они никак не могли понять, что же такое могло случиться с их внуком за эти две минуты? А случиться могло многое... И их воображение им это подсказывало. Ведь, как известно, самое богатое воображение – это воображение бабушек и дедушек. И оно рисовало им картины одну другой страшнее, одну другой ужаснее...

Они быстро осмотрели внука на предмет внешних повреждений. Но ничего не обнаружили. Ни единой ссадины, ни одного синяка, ни малейшей царапины. Ничего. Совсем ничего. Одежда мальчугана тоже была в порядке. Нигде не порвана. И даже не испачкана. Мысли пра-родителей лихорадочно метались. А нервы скручивались и свивались. Они свивались в тугую пружину. Они скручивались в тугую спираль. Которая одним концом вонзалась в бабушкино сердце, а другим – в дедушкино. И бабушка с дедушкой хватались за сердце. И друг за друга.

От внука же ничего вразумительного добиться было невозможно. И бабушка с дедушкой растерянно переглядывались, инстинктивно отползая в сторону аптечки. Домашней аптечки. Той, где стояли пузырьки с Корвалолом. Но бабушка и дедушка гасили свои инстинкты и оставались на местах. А потому что боялись. Боялись хоть на секунду оставить внука одного. Им казалось, что если они его оставят хоть на секунду, с ним обязательно случится что-нибудь ужасное! Что-нибудь ужасное и непоправимое... Сколько продолжалось это светопреставление, никто сказать потом не мог. Не мог, потому что все тогда потеряли счёт времени.

И уже потом... много позже, когда их внук, смог, наконец, произнести своё первое слово и смог, наконец, связно мыслить и связно излагать свои мысли, им удалось всё же приоткрыть завесу той тайны и пролить свет на эту тёмную и мрачную историю... Оказалось, внука обидела учительница. Причём, очень сильно обидела. Обидела тем, что поставила двойку. У этого мальчика за его тогдашнюю ещё недлинную школьную жизнь, уже было много отметок. Причём, самых разных. Которые пестрели, сверкали и радовали глаз в его школьных тетрадках. И всегда появлялись они там неожиданно. Неожиданно и совершенно непредсказуемо... Иногда хаотично. И не были похожи они одна на другую. В семье к этому уже привыкли. В семье к этому относились с пониманием. И никогда этого мальчика за отметки не ругали.

И почему же именно эта двойка вызвала столь бурную эмоциональную реакцию, сказать не взялся бы никто...

Но самое удивительное было даже не в этом. Самое удивительное было совсем в другом. Насколько же велик был контраст! Контраст между весёлым и счастливым ребёнком, бегущим вприпрыжку из школы домой, и зарёванным мальчишкой, стоявшим на пороге... Стоявшим на пороге перед растерянными бабушкой и дедушкой. И насколько мало времени прошло между этими двумя событиями!

И взрослые всё удивлялись и удивлялись и никак не могли перестать удивляться!

А что здесь удивительного? Ребёнок просто шёл из школы домой и радовался всему, что видел. Радовался людям вокруг. Домам, деревьям и машинам. Радовался небу и облакам. Радовался ветру и солнышку. И всё вокруг него было прекрасным! И всё вокруг него было чудесным. А слёзы? А слёзы он приберёт на потом. Он их просто отложил. На время отложил. Правильно, зачем плакать, когда никто не видит? Какой в этом смысл? Плакать надо кому-то! Вот он пришёл и выплакал бабушке с дедушкой все свои детские горести, все свои детские обиды.

Глава шестая

В моём Мире снова Солнце!

В прошлой главе этой книги я отступила от темы и поразмышляла о том, что дети часто плачут не просто так, а плачут кому-то.

Но не всегда дети так плачут. Иногда дети плачут и сами себе...

Итак, продолжу. Продолжу свою историю.

.....

Я посмотрела на дверь. Мама всё ещё не было... И мне было страшно...

А когда тебе страшно, рядом с тобой всегда селятся Страхи. Некоторые Страхи селятся Внутри. А некоторые обитают Снаружи.

Мои Страхи селились и обитали повсюду.

Но я старалась держаться. Держаться и не смотреть в сторону Страхов.

А как известно, если не смотреть в сторону Страхов, Страхи делаются ещё страшнее.

Самые страшные Страхи – это те Страхи, которые мы стараемся не замечать. Стараемся не замечать, но знаем, что они есть.

И чем дольше я ждала маму, тем страшнее делались мои Страхи.

И вот, когда Страхи сделались совсем уж страшными, из глаз моих потекли слёзы.

Мои слёзы были тихие и неслышные. Я ведь плакала не кому-нибудь. Я плакала сама себе. Я надеялась, что все мои слёзы вытекут и никто ничего не заметит. Но мои слёзы почему-то не заканчивались. И чем больше их вытекало, тем больше набиралось новых слёз. Слёзы мешали мне видеть. Слёзы мешали мне дышать. И я стала тихонько всхлипывать. Я старалась делать это так тихо, чтобы никто ничего не заметил. Но меня слышали. Причём слышал тот самый страшный мужчина. Который не любил детей.

– Вот вы здесь работаете, а у вас там дитё плачет!

Все женщины переполошились. И кинулись ко мне. Все стали меня утешать. Все стали наперебой меня жалеть. А я заплакала сильнее. А я заплакала так горько! И чуть не утонула в собственных слезах. Слезах жалости к себе. Потому что я догадывалась о своём бедственном положении. Догадывалась, но всё ещё сомневалась в нём. А теперь эти женщины лишь подтверждали мои догадки. И я поняла, что моё положение хуже некуда.

– Ушла! Бросила ребёнка! И как вам это нравится?

Я не понимала, что взрослые ругаются шутливо. И опять приняла всё за чистую монету. И заплакала ещё горше, ещё отчаянней.

Потому что мама ушла. Потому что мама меня бросила.

И это заметила не только я. Это заметили и другие тоже. Мои худшие опасения подтвердились. И поток слёз хлынул с новой силой.

Ещё я плакала за маму. Потому что её ругали. А дети всегда плачут, когда ругают их маму.

Я ведь не знала, что её ругают невсерьёз. Я ведь не знала, что её ругают не по правде.

И теперь я плакала и за неё тоже. И за неё тоже я пролила немало слёз...

Мама с бабушкой всегда говорили мне, что плакать стыдно. Очень стыдно! Думаю, если бы я не знала, что плакать стыдно, я проплакала бы намного меньше.

Взрослые больше не были улыбчивые. Взрослые были теперь сами растеряны.

И тогда самый страшный мужчина сказал:

– Идите и приведите ребёнка маму! И побыстрее!

Вскоре прибежала перепуганная мама. И ей удалось меня успокоить. Удалось, но не сразу.

Маме было стыдно. Ужасно стыдно. Ей было стыдно за меня.

А мой Мир снова засиял красками. В моём Мире снова возшло Солнце! И Мир снова стал тёплым. Тёплым, радостным и удивительным...

И я подумала тогда – возможно, этот самый страшный мужчина не такой уж и страшный?..

Послесловие

Предисловие к послесловию

Не обращайтесь внимания!

Не обращайтесь внимания, говорю я моему Читателю. Не обращайтесь внимания! Вам, мой Читатель, читать это послесловие совсем не обязательно. Вы можете смело переходить дальше, к следующим страницам книги.

Это послесловие я записала для Не-моего-Читателя. С одним из них я как-то разговорила. И после нашей с ним беседы и родился этот небольшой текст. Такие тексты мне не свойственны. Они не в моём духе. И не в моём стиле. Но, в конце концов, каждый имеет право на эмоции. Итак,

Послесловие

Недавно мне один человек сказал, что не увидел в моём произведении никаких мыслей. Кроме одной-единственной мысли о том, что ребёнку страшно. Этому человеку я ответила, что это не страшно. С кем не бывает! Этому человеку я ответила, что он просто не мой Читатель.

Я так ему ответила, но решила всё же кое-что для него пояснить.

Пояснить, что я заложила, по-моему, довольно неплохую концентрацию мыслей на один квадратный сантиметр произведения.

Пояснить, что я заложила в своём произведении также, кроме отдельно взятых и разрозненно блуждающих мыслей, ещё, как минимум, пять серьёзных психологических проблем. На самом деле проблем обозначено больше. И каждая эта, отдельно взятая проблема, включает в себя не одну мысль, а очень много мыслей. И я бы даже сказала, слишком много мыслей. Не смотря на детскую несерьёзную форму подачи, я постаралась затронуть в своей повести слишком серьёзные и слишком недетские темы, слишком серьёзные и слишком недетские вопросы. Каждая из этих тем достойна отдельного большого разговора. Каждая из этих тем включает в себя просто невероятное количество мыслей. Каждая из этих тем является просто сгустком мыслей...

Всё-таки писала я для вдумчивого Читателя. Для Читателя, способного разглядеть больше одной мысли. Для Читателя, способного понять больше одной мысли. Для Читателя, способного напрячь больше одной извилины. Всё-таки писала я для тех, кто привык глубоко плавать. И для тех, кто привык глубоко копать. Писала я для тех, кто способен нестандартно мыслить. И для тех, кто способен не только слушать, но ещё и слышать. Для тех, кто способен не только смотреть, но ещё и видеть. Для тех, кто способен уловить суть. И рассмотреть за формой содержание.

Поэтому спешу добавить, что моя повесть написана, во-первых, для людей, умеющих читать. В том числе читать между строк. Во-вторых, для людей, умеющих видеть и подмечать скрытые смыслы. Для людей, различающих не только текст, но способных разглядеть и подтекст. И, в-третьих, для людей с нестандартным, нешаблонным мышлением.

Родом из детства

Идеальный ребёнок. Почти

Воспитывали меня мама и бабушка. Поначалу был ещё папа. Но он не любил нянчиться с маленькими девочками. Подозреваю, что и с маленькими мальчиками тоже. А потом он вообще исчез из нашей с мамой жизни. Были ещё дедушка и дядя. Но их не подпускали к воспитательному процессу. Мама и бабушка были очень добросовестными няньками. И я у них получилась такая послушная. Почти не плакса. Правда, с капризами.

Я была очень удобным ребёнком. Мне даже в голову не приходило против чего-нибудь бунтовать или протестовать. Собственную волю я проявляла только, когда разрешали. И в приличествующих ситуациях. Я была словно вышколенная и великолепно выдрессированная собака. И послушно «давала лапу», сидела, лежала и гуляла. И даже болела мало. Общую картину портил только аппетит. Он был плохим. И далёко не собачьим. И мама с бабушкой ничего не могли с этим поделать. Если бы не капризы и аппетит, я была бы просто идеальным ребёнком.

Послушные дети бывают двух видов. С полностью подавленной волей. И с не полностью.

Если воля подавлена не полностью, послушный ребёнок вынужден прибегать к хитростям. И усиленно развивать в себе умение ловчить. Ведь только с помощью уловок послушный ребёнок может отстаивать свои права. И защитить свои интересы.

Когда я родилась, моя мама училась на третьем курсе института, а бабушка работала. Мама, отличница во всех своих делах и начинаниях, решила не брать академический отпуск, чтобы не терять год учёбы. Тогда бабушка, чтобы помочь моей маме меня поднимать, попросила у начальника разрешения работать во вторую смену. Она была химиком и работала в центральной заводской лаборатории. В первую половину дня, пока мама училась, бабушка сидела со мной. К обеду возвращалась мама с занятий и у них с бабушкой происходила этакая перемена. Бабушка сдавала меня с рук на руки по типу «вахту сдал, вахту принял» и с огромным облегчением и радостью бежала на работу. Она жаловалась постоянно маме, что ей легче две смены отработать, чем меня накормить.

Отличительной моей чертой была повышенная говорливость. Говорить я начала рано. И с тех пор не замолкала. Говорила я всегда очень много. И заболтать могла любого. До сих пор не знаю, достоинство это или недостаток...

Приняв вахту, мама брала на руки сначала меня, потом свои лекции и ходила по комнате, пытаюсь одновременно угнаться за двумя зайцами, то есть занять чем-то меня и усвоить новые знания. Судя по одним пятеркам в институте и почти идеальному ребёнку, ей это удавалось неплохо. Мама мне потом рассказывала, что она читала вслух непонятные мне термины (мама училась на инженера-металловеда), а я, сидя у неё на руках, с очень важным видом их повторяла. Возможно, это как-то повлияло на то, что когда я выросла, я выбрала тот же самый вуз, что и мама, хоть и другой факультет.

Другой факультет я выбрала, видимо, от того, что с мамой я так и не доучилась. В один год и пять месяцев меня отдали в ясли. И с тех самых пор к моему воспитанию подключилось и общество. Надо сказать, всё это не способствовало улучшению моего аппетита. Он как был плохим, так и остался. Как утверждала моя мама, это было от того, что других детей нашли просто в капусте, а меня в кислой. И надо сказать, в её словах было разумное зерно...

Пролетая над родным гнездом...

Предисловие

Продолжаю повествование про свои ранние годы. Это вторая статья из цикла "Родом из детства". И я в этом повествовании получилась немного другой. Не такой, как в первом

рассказе. Но этому есть логическое объяснение. Всё дело в том, что воспитывали меня и мама, и бабушка. Так вот, с мамой я была одна, а с бабушкой другая. Ребёнок тонко чувствует и понимает, с кем как себя вести. С кем можно покапризничать и повредничать, а с кем лучше быть шёлковым и послушным... На кого можно залезть и сесть на шею, удобно свесив ноги, а с кем лучше пыхтеть, отдуваться, но идти самому. Поэтому там, где я капризная и вредная – это я с мамой, а там, где почти идеальная – это я с бабушкой. Тут всё объясняется просто.

Пролетая над родительским гнездом...

Накормить ребёнка – одна из вечных родительских проблем. Хотя раньше, думаю, таких проблем у большинства населения просто не было. Вернее, эти трудности как раз-таки были, но не в том смысле, который подразумевается в этой статье. С едой раньше было хуже. Настолько хуже, что люди часто голодали. И еде радовались. И дети, и взрослые. А, сейчас в развитых странах, в эпоху продуктового изобилия, накормить ребёнка правильной и здоровой пищей превратилось в одну из очень непростых задач в деле воспитания подрастающего поколения.

И здесь в ход идут все подручные средства. И задействуются любые методы, как жёсткие и авторитарные, не оставляющие ребёнку права самостоятельного выбора и относительной свободы действий, так и более щадящие, мягкие и гуманные – например, подкуп и шантаж. Бывает, конечно, и откровенное запугивание. Но в этой статье речь пойдёт только о цивилизованных методах. Другие методы мы здесь рассматривать не будем.

Мои воспитатели, мама и бабушка, как и большинство воспитателей того времени, были приверженцами самых жёстких и самых что ни на есть авторитарных методов, применяемых при выращивании потомства. Их система воспитания базировалась на полнейшем подчинении младшего старшему и на его, младшего, то есть, беспрекословном повиновении. Младший не имел права голоса. По определению. В семье царила монархия. И даже не конституционная. Правящей верхушкой была бабушка. И по совместительству же и рабочим классом. Бабушкин авторитет был непререкаем. Её авторитет никто и не оспаривал. Какую же должность занимала при ней моя мама?.. Думаю, должность премьер-министра. Как и бабушка, мама тоже совмещала две должности. Премьер-министра и угнетаемого и притесняемого рабочего класса. Надо признать, самого рабочего из всех рабочих... А кем была я? А я олицетворяла собой те самые пресловутые низы. Бесправные, но не забытые. Потому что физические наказания, к счастью, в нашей семье не применялись. У нас всегда предпочитали действовать убеждением. И верили в силу слова. В нашей семье вначале было слово. Так вот, я была теми самыми низами, которым даже в голову не приходило бунтовать и которые с покорностью принимали все те инициативы, распоряжения и директивы, которые спускались сверху.

Как ни парадоксально, я была с одной стороны как бы внизу и находилась в полном подчинении у облечённых властью, а с другой стороны – сверху и высоко сверху, на самом что ни на есть привилегированном положении, принимая как должное, внимание и заботу окружающих, и награждая их время от времени своими капризами. А покапризничать-то я любила!

Мама, как я уже упоминала, тоже была сторонницей жёсткой дисциплины и беспрекословного повиновения. И приверженцем традиционных идей в воспитании. Но ей никак не удавалось воплотить свои педагогические теории в жизнь. Ей не удавалось реализовать все свои идеи из-за того, что она не умела командовать. В каждом из нас сидит начальник. В ком-то либеральный, у кого-то сторонник жёсткой диктатуры, у кого-то хитрый с маской демократа. Так вот, мамин внутренний начальник был слаб. Он был слаб, беспомощен и недалёковиден. И постоянно позволял своим подчинённым садиться себе на шею.

И не смотря на то, что воля у моей мамы такой твёрдости, что об неё можно сломать металл, она не может заставить других выполнять её решения. Потому что мамина стальная воля всегда обращена только на неё саму. По отношению к себе мама всегда была предельно безжалостна и абсолютно беспощадна. Всю жизнь она прожила и живёт, как аскет, истязая себя регулярно запредельными нагрузками и расставляя вокруг себя, словно красные флажки,

сплошные запреты. По отношению к другим мама всегда была мягка, уступчива, стопроцентно уступчива и в полной боевой готовности помочь. Мама всегда жила и живёт не для себя. Она всегда жила и живёт для других, забывая о себе. Мама – чистой воды альтруист. Мама – стопроцентный альтруист. Мамин альтруизм – самый чистый и незамутнённый из всех видов альтруизма, которые мне довелось когда-либо повстречать...

Но продолжаю о своём детстве.

Помню, вернее помню из маминых рассказов: мама опаздывала на работу, а раньше с этим было строго, бежала по лестнице через две ступеньки вниз, а я стояла у дверей бабушкиной квартиры и ревела белугой: ты меня не поцелула! Мама бегом взбиралась уже через три ступеньки вверх, целовала меня, успокаивала и мчалась на свою работу.

Или мама в другой раз опаздывала на работу, а меня нужно было ещё и в ясли забросить, она быстро очень меня одевала, на всех скоростях, а я тут же расстёгивала свою уже застёгнутую мамой кофточку – все до единой по одной пуговичке на ней и говорила: нас воспитательница не так учила и медленно, непослушными пальчиками, застёгивала её опять, повторно, но уже «сверху вниз», как полагается, а не «снизу вверх», как застегнула неправильно мама. Пресекая все попытки помочь, чтобы хоть как-то ускорить процесс, криком. Мама была супертерпеливая. И всегда давала на себе «ездить». И с ней я могла вволю капризничать. И проявлять свой вредный характер. Чего никогда не могла, например, позволить себе при бабушке. Дети очень хорошо понимают, с кем можно капризничать, а с кем лучше не надо. И постоянно проверяют предел терпения взрослых. А также регулярно испытывают их на прочность.

А мама? Кем она была всё же в семейной иерархии? Мама была главой в соседнем королевстве. И одновременно в моём подчинении. Причём, в полном. Мама была главой в нашей с ней маленькой ячейке общества. Мы с папой и с мамой жили отдельно (но не всегда) от бабушки с дедушкой. Бабушка и дедушка – это мамы родители. Августа Иосифовна и Василий Владимирович. Но я, разумеется, звала их не по имени-отчеству. А просто бабушка и дедушка. Бабушкино имя Августа в семье мы сокращали до имени Авва. В бабушкиной молодости подруги и некоторые знакомые звали её Аввочка.

До моих года и пяти месяцев, до тех пор, пока меня не отдали в ясли, мы с мамой жили у её родителей. С ними же жил и мой дядя, мамин младший брат. Я звала его просто Женя. Когда я родилась, он был совсем ещё молодым. Ему было семнадцать лет. К сожалению, впоследствии, он так и не женился и не создал свою семью. Детей у него тоже не было.

Маме на момент моего рождения был двадцать один год. Помню, я всегда гордилась, что у меня такая молодая мама! А мама ещё и выглядела всегда очень молодо, моложе своих лет. Ходила с косой. Но не всегда. У мамы ещё были разные красивые причёски. У неё всегда были очень хорошие густые волосы. Мне очень нравилась мамина толстая коса. Мама была человеком спортивным. И косу носила для удобства, когда занималась по вечерам бегом. Или шла на тренировку. Мама очень любила ходить в походы. Любила лыжи и коньки. Её нередко принимали за мою старшую сестру. Во всяком случае, многие удивлялись, когда узнавали, что это моя мама. А однажды в ясельной группе меня не хотели ей отдавать. Приняла группу новая воспитательница и, когда мама пришла за мной вечером в ясли, та воспитательница ей меня никак не отдавала и даже не собиралась. Строго приговаривая при этом, что сёстрам мы детей не отдаём. И пусть приходят за мной родители. Мама уже отчаялась получить меня обратно на руки и устала убеждать строгую представительницу общественного воспитания, что она, моя мама то есть, совсем не самозванка, а и есть самый настоящий родитель, как вдруг той воспитательнице пришла в голову светлая спасительная идея спросить у меня, указывая на мою маму, кто же это? Я жалобно пропищала: мама! И семья была воссоединена. Как хорошо, что я к тому времени уже умела говорить! А то ведь могла бы надолго поселиться в той ясельной группе детского сада под строгим надзором той принципиальной женщины.

Этот эпизод наглядно показывает, что многие люди были искренни, когда удивлялись, узнавая, что моя мама вовсе мне не сестра. Кстати, раньше я тоже выглядела моложе своих лет и однажды, когда мне было лет, по-моему, тридцать шесть, пришёл к нам как-то работник ЖЭКа, посмотрел на меня, когда я открыла ему дверь, и строго спросил: а старшие кто-нибудь есть? Вот это был комплимент, так комплимент! Сколько времени прошло, а я до сих пор помню!

Лет до шести в моей жизни присутствовал ещё и папа. Но я его тогдашнего почти и не помню. Потом уже, во взрослой моей жизни, когда мне было тридцать три года, мы с ним познакомились заново. Он живёт на Украине. А в Челябинске у него много родственников и он туда часто приезжал. В один из его приездов мы с ним повторно и познакомились. Отношения у нас хорошие. Я его смогла полюбить. Полюбить заново... Но, конечно, той близости, что всегда была и есть у меня с мамой, что была у меня с бабушкой, такой близости у нас с ним, конечно же, нет...

После того как мои родители развелись, а мне тогда было шесть лет, как я уже упоминала, у бабушки мы с моей мамой бывали чаще, чем дома. В общем-то днём мы жили у бабушки, а домой приходили только переночевать. Поэтому выросла я, можно сказать, у бабушки с дедушкой и рядом с мамой. И бабушка была для меня второй мамой. А, может, и первой, сложно сказать. В общем, мне повезло и было у меня две мамы.

Наша семейная система воспитания, система воспитания у обеих моих мам, полностью состыковывалась с общественной и нигде ей не противоречила и не вступала с ней в конфликт. Семейные мораль и ценности являлись как бы продолжением общественных. И это было очень удобно. Потому что существовать в условиях двойных стандартов и двойной морали было бы очень нелегко.

В нашей семье еде всегда было отведено особое и почётное место. Бабушка говорила, что можно не прибрать в квартире, можно не иметь какой-то одежды или каких-то вещей, но еда должна быть всегда.

И в наш семейный устав были занесены золотыми буквами два замечательных правила. Первое из них: «Пока не съешь, не выйдешь из-за стола!». И второе: «Всё, что положено на тарелку, надо съесть до последней крошки, как бы не было тебе плохо!». Эти два правила были из разряда фундаментальных. Из тех, на которых базируются уже все остальные постулаты и принципы.

Эти правила были незыблемыми и никем не оспаривались. Эти правила были с момента сотворения нашей семьи и никем никогда не нарушались. Эти правила отменить можно было только, не иначе как свергнув правящую власть. Но мы, то есть я, дедушка и дядя, бабушку и маму любили и, разумеется, свергать их не собирались.

Как-то моей бабушке удавалось держать всех в подчинении, но исключительно на любви и доверии. Мой дядя, когда был школьником, говорил ей: «Когда ты дома, мама, как будто светит солнце!» Бабушка была светлым солнечным человеком. И, как ни странно, мягким. Но подчинить умела очень хорошо. Она умела настоять на своём, но мягко. Ей подчинялись, но её любили. Искренне любили. Человеком она была лёгким. Лёгким, тёплым и душевным.

И как бы мне снова хотелось оказаться там... Там, в детстве... В той квартире. И услышать родные голоса... И увидеть их всех! Бабушки, дедушки и дяди Жени давно уже нет в живых. И в квартире той давно уже живут чужие люди. От тогдашней счастливой семьи остались только мы с мамой. И папа. Правда, меня стало больше. Потому что я – это теперь не только я, а ещё и мой муж, и мои дети: сын и дочь, и мой зять. И родители мужа. И его сестра. И его многочисленные родственники. И родители мужа дочери. И его брат. И его бабушка и дедушка. Нас становится всё больше и больше. И это счастье! Это другое, взрослое счастье...

Но в памяти, моей и маминой памяти, мы иногда снова собираемся вместе, той прежней семьёй из моего детства и заново проживаем те счастливые дни... Те счастливые дни, которые уже не вернуть... И мама там молодая, красивая и здоровая...

Солёные огурцы с сосисками

Да, возвращаясь к еде...

Как я уже писала, еда занимает важное и почётное место в моей жизни, поэтому еде будет отведено много моих рассказов.

Это сейчас я могу капризничать, привередничать и воротить нос от еды. А в детстве я этого позволить себе не могла. Я была послушная, а потому покорно и безропотно давилась той едой, которую мне предлагали. Давилась, но ела. Выбора у меня не было. И давить на жалость было бесполезно.

Моей мамой можно было управлять. Не всегда, но можно. Но вот когда дело доходило до еды... тут мама становилась совершенно неуправляемой. Неуправляемой, несгибаемой и несговорчивой.

Вот и приходилось мне давиться едой. В основном, мне удавалось её как-то «проталкивать», но иногда она «застревала» и «вставала в горле комом».

Парадокс, но некоторые не очень послушные дети, став взрослыми, могут идти по жизни, гордо расправив плечи, уверенной твёрдой поступью по прямой широкой дороге. А некоторые послушные, научившись в детстве хитрить, всю жизнь идут потом по кривым дорожкам, да обходными тропинками. Бывает и такое.

Я тогда была ещё маленькая, поэтому и хитрости мои тоже были детские и не очень хитрые. Хитрость – это то качество, которое улучшается с возрастом. Хитрость тем лучше, чем больше её стаж. Говорят, хитрость – разновидность ума. Но если ум с возрастом слабеет, то хитрость с годами, мне кажется, только крепчает. Как хорошее вино, от выдержки становится только интересней.

Так вот, тогдашняя моя хитрость была совсем ещё зелёной и незрелой. И не могла по-настоящему обмануть взрослых. Помню, мама положила мне на тарелку сосиски, строгим голосом сказала, чтобы всё было съедено и вышла из кухни, чтобы заняться своими делами. А я не любила тогда сосиски. Мама всегда мне их резала кусочками. И вот сижу я над этими кусочками и мне совсем невесело. И не знаю, что мне делать. Над едой я всегда сидела долго. Потому что не было аппетита. И, возможно, это была такая подсознательная тактика. Тактика высиживания. Тактика выжидания. Но эта линия поведения не давала никакого результата. Мне всё равно приходилось всё съесть. Так вот сижу я, смотрю на эти порезанные сосиски и чувствую себя несчастной. От нечего делать начинаю смотреть по сторонам и изучать стены на нашей кухне, потом плиту, потом кухонный шкаф, потом мой взгляд утыкается в окно, потом скользит по подоконнику, на котором стоят трёхлитровые банки с огурцами. Банок там много. Ими был заставлен весь подоконник. Я подхожу к подоконнику и начинаю разглядывать банки. Они стоят плотно, но между ними есть небольшие промежутки. Да, промежутки небольшие, но в них вполне могли бы поместиться кусочки от сосисок. Так-так, кусочки от сосисок... Это было озарение! И я начала приводить свой план в действие, старательно заполняя межбаночное пространство этими самыми давно остывшими кусочками. Стараясь затолкать их не просто абы как, а подальше – к дальней стороне подоконника, подальше от людских глаз, подальше от чьего-нибудь неосторожного взгляда. Мне тогда было, наверное, лет пять. И я была совсем неопытным хитрецом. Сейчас я бы их спрятала гораздо лучше. До форточки я тогда не доставала. У нас форточки были очень высокие. Но, в конце концов, есть же мусорное ведро. Хотя, возможно, его-то у нас тогда и не было. Мама у меня любитель выносить мусор маленькими порциями в полиэтиленовых мешочках. Так что, вполне возможно, что мой вариант на тот момент был самым оптимальным. Я была по-детски хитрой, но недалёковидной. Иначе так бы никогда не поступила. Потому как понимала бы, что меня раскроют. Обязательно раскроют. И

я с треском провалюсь. И провалю всю операцию. Как шпион. Меня и раскрыли. Но не сразу. А спустя несколько дней. Возможно, спустя несколько недель. Когда меня раскрыли, сосиски были уже несколько неприглядного вида. И мама приговаривала: а я-то всё думала, откуда этот запах! Моя мама была жуткая чистюля-аккуратистка и кристально честным и чистым человеком, и поэтому я не знаю, что потрясло её сильнее – моя ли моральная нечистоплотность или мои грязные нечистоплотные методы?.. Но безнаказанной я не осталась. Меня стыдили, долго стыдили. Кто знает мою маму, тот поймёт, что в исполнении моей мамы это очень страшное наказание!

Молоко с пенкой

Я уже как-то писала про свои детские хитрости. Про то, как я прятала сосиски между банок с солёными огурцами. Вы думаете, на этом запас моих хитростей был исчерпан? Как бы не так! У меня их было ещё много. Хитрости, они ведь устроены по принципу колодца. Чем больше хитришь, тем больше хитростей остаётся в запасе.

Например, я в детстве не любила ещё молоко с пенкой. И без пенки тоже, надо признать. Я его не просто не любила, а терпеть не могла. Кто-то придумал, что молоко детям надо давать непременно кипячёное. Я не знаю, кто это придумал, зато знаю, что этот таинственный кто-то явно имел садистские наклонности. И не любил детей. И даже не просто не любил – думаю, он их ненавидел. За что он нас так ненавидел, я не знаю. И даже не догадываюсь.

Тот человек всё это придумал, а детям приходилось несладко.

Кипячёным молоком меня поили в садике, кипячёным молоком меня поили дома. Лет до пяти я его покорно пила, а когда мне исполнилось пять лет, попробовала было изменить ситуацию и устроить тихий бунт.

Как-то мама налила мне молоко в чашку, сказала всё это выпить и вышла из кухни. Я, как обычно, сидела над этим молоком с видом мученика, пока меня не посетила одна интересная мысль. Надо признать, мысль была дерзновенная. Но молоко было такое противное на вкус, что я решилась... Решилась на новое преступление.

Я прислушалась. В квартире было тихо. Мама была в комнате и занималась своими делами. Я осторожно, крадучись и постоянно оглядываясь на дверь, подошла к раковине, держа в руках чашку с молоком и вылила в неё ненавистный напиток. Я понимала, что совершаю очень плохой поступок, но меня это не остановило. Я смотрела, как молоко исчезает в сливном отверстии и мне его не было жалко. Но оно не исчезло бесследно. В раковине остались следы преступления в виде небольших молочных лужиц и пенки. Испугавшись, что меня раскроют, я быстро включила воду и замыла все следы. С пенкой пришлось повозиться подольше, но и она, наконец, исчезла туда же, куда исчезли и лужицы. На кухне неслышно появилась мама и спросила меня: что это ты делаешь? Мою чашку, – не моргнув глазом, соврала я. А молоко выпила? – спросила мама. Выпила, – без зазрения совести врала я дальше. Как говорится, не пойман – не вор! Мама мне не поверила, но ничего не сказала. Потому что в нашей семье действовала презумпция невиновности. А я уже успела уничтожить улики. Но тень подозрения всё же пала на меня. Мне больше не доверяли.

Надо сказать, я плохо продумала операцию. Надо было лучше подготовиться. Например, месяц добросовестно мыть посуду после того, как поела. Нахваливать почаще молоко. Иногда, может, даже его просить. И тогда меня могли бы не заподозрить. Провал любой операции в её недостаточной продуманности. И в слабой подготовке.

Я раньше ещё ни разу не мыла за собой посуду и никогда не проявляла подобных устремлений, и моё теперешнее «рвение» выглядело крайне подозрительно. Плюс моя патологическая нелюбовь к молоку. Мама сложила дважды два. И «намотала на ус». Но виду не подавала. А я радовалась, что всё сошло с рук. И что мне не придётся больше пить молоко. Я чувствовала себя умной и ловкой.

В следующий раз я была уже не такой осторожной. Преступники часто на этом прогорают. Когда совершают повторные преступления, почему-то становятся менее осторожными.

Да и мама всё же оказалась хитрее меня. В прошлый раз она сделала вид, что поверила. Но на этот раз за мной проследила. И поймала с поличным. Тихо подкралась и вошла на кухню прямо в тот момент, когда я выливала очередную порцию молока. Как же мне было стыдно!.. До сих помню это чувство...

Самое интересное, что мне было стыдно только тогда, когда меня поймали. А когда в прошлый раз не поймали, мне стыдно не было. По-видимому, чувство стыда у меня имеет свойство иногда отключаться.

Надо признать, мама у меня кристально честный человек. И хитрить не умеет. Но меня обхитрила.

Что, Иванушка, невесел? Что головушку повесил? (с)

Кто про что, а я всё про еду. Вы же ещё не устали про неё читать? Если устали, отдохните. Впереди ещё много. Ещё много всего.

Про одну только манную кашу у меня будет пять глав. Еда – это, вообще, бесконечный сериал. Похлеще Санта-Барбары!

Я Вас ещё не очень запугала? Если нет, то я продолжу. Запугивать.

Как Вы могли заметить, делюсь историями я только про ту еду, которую не любила. Потому что ту еду, которую я любила, я её просто ела. А когда ешь, некогда разговаривать. Когда я ем, я глух и нем. Так нам советуют всегда родители и воспитатели.

В этом рассказе речь пойдёт о манной каше и какао. Их я очень не любила. Не любить можно по-разному. Можно очень не любить. Можно не очень любить. Видите, всего два слова поменяли местами, но как сразу меняется смысл! А можно ещё просто не любить. Из всех трёх фраз про нелюбовь последняя фраза мне кажется самой равнодушной. В двух первых присутствуют больше чувств и их оттенков разной силы.

Я и испытывала и к манной каше, и к какао очень сильные чувства! Сильные чувства негативной направленности.

Моя нелюбовь к ним проистекала со времён детского садика. Подозреваю, ещё с ясельной группы. Но те свои годы я почти не помню. Помню только, что сосала свой палец. Вместо соски. Её я никогда не признавала. И всегда выплёвывала. Ну и правильно, зачем гадость всякую в рот совать? И поэтому вместо соски я использовала свою руку, как медведь лапу. Он тоже сосёт лапу, укладываясь на зиму в берлоге. Я, кстати, как и медведь, спала и сплю много. Видимо, у нас с мишкой есть всё же какие-то родственные корни.

В детском садике меня мало того, что разлучали с любимыми мамой и бабушкой, так ещё и едой мучали. Мама рассказывала, что в нашей группе было два таких страдальца, два таких мученика, два сидельца – я и ещё какой-то мальчик. И что когда она вечером за мной приходила, то видела, как почти все дети радостно выбегали навстречу родителям, быстро одевались и весело и вприпрыжку бежали домой. Все, кроме меня и того мальчика. Мы, грустные и несчастные, сидели с ним за столом над тарелками с едой. И нас поэтому воспитательница из-за стола не выпускала. В детском садике тоже действовало правило: пока не съел, из-за стола не выйдешь. Надо сказать, любви к еде это не прибавляло. И к воспитательнице тоже.

Вы представляете, как надо не любить еду, что даже такие мощные стимулы, такие как воссоединение с любимой мамой и возможность, наконец, пойти домой, не могли ускорить этот процесс, процесс насыщения витаминами и полезными микро- и макроэлементами!.. Не говоря уже о том, что возможность выйти из-за стола сама по себе уже является неплохим стимулом.

Я и тот мальчик, которого я не помню, регулярно занимались подсиживанием. Вернее, высиживанием. Темпераменты у всех разные. И кто-то берёт натиском и штурмом. Кто-то берёт напором. А кто-то измором. Вот мы с тем мальчиком пытались брать всех измором. И

еду, и нашу строгую наставницу, и родителей. Пытались. Но всё было напрасно. Наша тактика не срабатывала. И не действовала. Ни на еду, ни на нашу мучите... в смысле, воспитательницу. И еда, такая мерз... в смысле, такая здоровая и полезная еда, продолжала и дальше оставаться нетронутой и медленно остывать, черстветь и покрываться коркой равнодушия. А что ещё ей оставалось делать, раз уж не смогла она зажечь в несчастных детях горячих ответных чувств? Чужое равнодушие – оно ведь тоже расхолаживает. А чужая нелюбовь замораживает. Замораживает всё то хорошее, что было вначале. Поэтому всё свежее черствеет. Всё мягкое грубеет. Горячее становится холодным. Желтеет зелёная листва. Засыхают нежные цветы. И гаснут чувства.

Так вот и каша. Черствела и застывала.

Дальше я уже не помню, как развивались события. Всё как в тумане. Память сохраняет лишь кусочки, лишь обрывки воспоминаний. Это уже потом из этих кусочков, как в мозаике, выстраиваем мы полную картину. Полную и целостную картину ушедших событий... Реставрируем, воссоздаём ход событий с привлечением уже не только памяти, но и иных составляющих нашего интеллекта.

Если подумать, то, скорее всего, наша тактика – моя и того мальчика, приводила всё-таки к успеху. Хотя иногда, но приводила. Потому что у воспитательницы, подозреваю, тоже была семья и она, думаю, тоже спешила к своей семье по вечерам. А потому, в конце концов, она с превеликим облегчением сдавала нас с рук на руки нашим родителям и снимала с себя всякую ответственность. Ещё она была всё-таки живым человеком, а не роботом. И у неё, как и у всякого живого человека, иногда заканчивалось терпение. Так что нас с тем мальчиком всё же отдавали родителям, прекращая обоюдные попытки ко всеобщей радости. Да и попытки были даже и не обоюдные, а и не знаю, как их назвать, но страдающих с каждой из сторон было явно больше двух, ведь надо учесть ещё и наших родителей. Которые сиротливо стояли в коридорчике, уставшие после работы и терпеливо и покорно переминавшиеся с ноги на ногу в ожидании того счастливого момента, когда можно будет, наконец, забрать их бестолковых чадушек и поспешить с ними в такие тёплые и уютные дома.

Вот такие невесёлые воспоминания о манной каше и какао были у меня ещё очень и очень долго. И мучали меня время от времени.

Молоко без пенки и чай без сахара

Я вам устрою сладкую жизнь!

Шапокляк

Я всю жизнь смотрела искоса на людей, которые любили молоко. И добровольно его пили. Пили и нахваливали. А потом я разгадала их секрет! Они, оказывается, пили не кипячёное молоко. Они пили пастеризованное. Которое обладало удивительным вкусом! И которое я попробовала слишком поздно.

Уже во взрослом возрасте я сделала это потрясающее открытие. Что, оказывается, молоко может быть таким приятным на вкус! И даже очень. Если оно пастеризованное. А до этого взрослого возраста мне его даже и пробовать не хотелось. Хотя оно регулярно попадалось мне на глаза. Слишком меня запугали этим напитком в детстве.

А топлёное молоко? Это же вообще лакомство!

Из каких соображений нельзя было поить ребёнка пастеризованным молоком, мне непонятно. Может, я бы полюбила его в детстве. И росла бы более крепкая и здоровая!

Так, с горьким сожалением я осознала, чего лишили меня в детстве. Сколько кальция, витаминов и других полезных веществ я недополучила. Если бы я регулярно пила этот чудонапиток всю свою жизнь и делала это с удовольствием, у меня был бы более свежий цвет лица. И красивая улыбка.

И мне до сих пор непонятно, почему детей в Советском Союзе, в детских садах, а многих и дома, поили исключительно кипячёным молоком, когда в магазинах было пастеризованное?

И этим наносили всем малышам больше вреда, чем пользы. Ведь у многих детей вырабатывалось отвращение к молоку. И в кипячёном молоке меньше витаминов.

Если сравнить вкус кипячёного молока и пастеризованного – это как кипячёная водопроводная вода против чистой родниковой. Может, аналогия и не совсем верная. Но у меня почему то именно такие ассоциации. Я всё-таки городской житель. Не деревенский.

Меня закончили пытаться кормить молоком в семь лет. С семи лет меня кормила преимущественно бабушка. И она кормила меня не по книгам. Не по руководству из книг о правилах детского здорового питания. А по своим представлениям. И учитывая мои интересы.

Она не заставляла меня есть хлеб. А только сетовала, что я опять всё съела без хлеба.

Бабушка вообще во многом определила мои вкусовые пристрастия в еде.

Например, получилось так, что она же, хоть и поневоле, приучила меня пить чай без сахара. И я ей очень благодарна за это!

Но отвыкание от сладкого кофеиносодержащего напитка произошло уже не в таком нежном возрасте. А классе в шестом, наверное. Мы в семье все пили чай только с сахаром. Я в чашке этого напитка растворяла две полные с горкой чайные ложки вожделенных кристалликов. Бабушка, по-моему, четыре или шесть. Не помню, были ли на сахар тогда талоны, но помню, что нам его катастрофически не хватало. У нас был сад, шесть соток, и летом у бабушки никак не получалось наварить варенья в таком объёме, чтобы мы могли его потом беспрепятственно и бесперебойно потреблять целый год, усиленно витаминизируясь в промозглую осеннюю сырость, а также согреваясь с ним за чаем холодными зимними вечерами и восполняя недостаток солнечных лучей и дефицит гормона счастья. Сидя за столом, зачерпывая маленькими ложечками это полупрозрачное блаженство и вспоминая лето...

Нехватка сахара – это было серьёзно. Эта была проблема, которую необходимо было срочно решать. А бабушка всегда умела принимать нестандартные решения. Не знаю, из каких вариантов она выбирала, но её решение получилось в итоге красивым, изящным и очень оригинальным. Она предложила: а давай мы с тобой будем сахар экономить! Как? – спросила я. – А мы будем в течение года пить чай без сахара, – ответила бабушка. Причём, самое интересное, что такие коррективы бабушка внесла только в мою и в свою чайные церемонии. Ни маму, ни дедушку, ни дядю реформы не коснулись. Для меня так и осталось неразгаданной тайной, почему мы все оказались в столь неравном положении? То ли бабушка посчитала нас с ней самыми сознательными из всей семьи, то есть теми, на кого можно всегда положиться и теми, кто не подведёт в самой критической ситуации и в самый ответственный момент, то ли она посчитала нас наименее ценными и наименее важными членами семьи. Ещё есть у меня версия, что мама, дедушка и дядя оказались сторонниками крайне правых взглядов и людьми, далёкими от дерзновенных и новаторских идей и революционных прогрессивных преобразований. Мне кажется, они оказались приверженцами традиционализма, как социально-философского направления и хранителями традиционного консервативного уклада и образа жизни. Возможно, мама, дедушка и дядя перешли на другую сторону и составили нам оппозиционное крыло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.